

Е-79

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

на правах рукописи

СТЕПУГИНА Татьяна Васильевна

ИМПЕРИЯ ХАНЬ — ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ
ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Специальность 07.00.03 — "Всеобщая история"

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Степугина

Москва 1990

Работа выполнена в Отделе древнего Востока
Института востоковедения Академии Наук СССР

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Г.Я.Смолин
доктор исторических наук, профессор В.Н.Никифоров
доктор исторических наук В.А.Якобсон

Ведущая организация - Отдел Востока Государственного
Эрмитажа

Защита состоится "28" декабря 1990 г. в 11
часов на заседании Специализированного совета Д.003.01.06
по защите диссертаций в Ленинградском отделении Института
востоковедения АН СССР по адресу: 191065, Ленинград,
Дворцовая наб., 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Ленинградского отделения Института востоковедения
АН СССР

Автореферат разослан "26" ноября 1990 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат исторических наук

(Школяр С.А.)

Общая характеристика работы

Представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук работа посвящена социально-экономической, общественно-политической и этно-культурной истории империи Хань (206 г. до н.э. - 220 г.н.э.). Она относится к магистральному направлению исторических исследований отечественного китаеведения, занимающегося более полувека проблемой периодизации истории Китая в доколониальную эпоху, - проблемой, которая в последние десятилетия достигла особой остроты в мировой синологии, прежде всего - самом Китае.

Эпоха Хань является одной из наиболее значительных в истории Китая, как по ее протяженности, так и по содержанию протекавших в ней процессов. Сформировавшийся в ханьский период тип культуры заложил основу цивилизационной специфики Китая. Четырехвековое существование огромной империи Хань, простиравшейся на территории Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, представляло собой, - по мнению автора, - завершающий этап древней цивилизации в истории Китая и всего этого историко-культурного региона; в самом конце эпохи поздней древности, при Младшей династии Хань (25-220 гг. н.э.) в ханьской империи возникают зачатки производственных отношений и идеологических представлений, которые становятся структурообразующими элементами постепенно складывавшегося средневекового общества. Большинство синологов-медиевистов рассматривают послеханьскую эпоху как феодальную. Что же касается эпохи Хань, то она в формационном плане остается едва ли не самой дискуссионной в нашей и современной китайской историографии.

Ханьский Китай является знаменательным рубежом в процессе стадийного развития "китайской государственности". С одной стороны, он как бы "венчает" древний цикл политической истории

Китай, включающий в себя доимперские государственные образования первичного типа "городов-государств" и стадияльно следующие за ними централизованные территориальные царства, а с другой, — открывает целую эпоху Императорского Китая — той формы государственного устройства, которая с некоторыми перерывами формально просуществовала в Китае до 1911 года. Империи Хань были присущи свои особенности, характеризующие ее как вселенскую империю древнего мира, обладающую специфическими чертами, кардинально отличающими ее от всех последующих империй Китая, как средневековых, так и нового времени. Ханьская держава имеет достаточно веские показатели, ставящие ее в один ряд с Римской и рядом древневосточных империй эпохи поздней древности (в частности, империей Гунг), что определяет место империи Хань во всемирно-историческом процессе подъема и крушения древних мировых империй.

Вызывает возражение теория, имеющая широкое распространение в синологии, особенно в западной, согласно которой созданная в эпоху древности модель имперского Китая пребывала неизменной во все последующие времена, а также модернизированная теория имперского циклизма. При несомненной преемственности ханьской бюрократической системы от великодержавной структуры, предшествующей Циньской империи (221 — 206 гг. до н.э.) политическое устройство империи Хань имело свою специфику и динамику развития. Достигнув известной стабилизации на рубеже II—I вв. до н.э. — в период подъема рабовладельческой экономики и взлета внешнеполитического могущества Старшей Хань (206 г. до н.э. — 8 г.н.э.), в дальнейшем система имперского централизованного бюрократического строя стала давать сбои по мере углубления социального и политического кризиса, проявившего себя в полной мере в конце правления Восточной династии Хань — в обстановке натурализации страны, ослабления центральной власти и усиления влияния местных земельных магнатов, так называемых "сильных домов" с их замкнутыми хозяйствами. В основе этого кризиса лежали базисные факторы, связанные с изживанием рабовладельческого производства, что приняло в конкретных условиях поздних ханьского Китая чрезвычайно затяжной и мучительный характер. Значительные рецидивы в рабовладении в сфере хозяйственных структур и сильнейшие пережитки рабовладельческой идеологии давали себя знать очень остро и после крушения ханьской империи. И в отечест-

венной, и в западной, а особенно японской историографии имеются мнения о сохранении в Китае вплоть до танского времени (VII—IX вв) не только рабовладельческого уклада, но и рабовладельческого строя.

Весь период Хань синологи почти единодушно включают в эпоху "китайской древности" — даже при принципиально различных методологических подходах к историческому исследованию, а это уже само по себе значит, что имеющиеся в нашем распоряжении древнекитайские источники дают серьезные основания видеть в ханьской империи некий эпилог двухтысячелетнего развития древней цивилизации на территории Китая.

Как показали многочисленные дискуссии по проблеме типологического и стадияльного развития Китая, проходившие у нас и в КНР, при множестве точек зрения большинство историков полагают, что Китай не миновал рабовладельческой формации, но при этом значительно расходятся в определении как ее хронологических рамок, так и ее специфики. Автор данной работы согласен с теми из них, кто считает Ханьскую империю эпохой наивысшего развития рабовладельческих отношений в истории древнекитайской цивилизации.

Убежденность в научной правомерности и обоснованности выдвигаемой автором исторической концепции общественного строя древнекитайской ханьской империи в последнее время была существенно подкреплена уникальными археологическими раскопками, особенно, 80-х — 90-х годов, которые дали исключительной важности действительно аутентичные письменные памятники и документальные свидетельства, ранее почти полностью отсутствовавшие для ханьского периода. Сопоставление этих археологических материалов с данными ханьских традиционных исторических сочинений дает возможность нового их осмысления. Комплексный охват документальных и нарративных ханьских источников делает осуществимой важную коррекцию исследуемых фактических данных и их теоретического обобщения.

Скрупулезный анализ разнохарактерных по типу ханьских источников и изучение обширной литературы вопроса привело автора к выводу о том, что в Империи Хань рабский труд находил применение во всех сферах хозяйственной жизни. Он использовался не только в ремесле и на промыслах как государством, так и частными собственниками (существовали крупные предприятия, эксплуатировавшие труд сотен рабов), но применялся и в сельском хозяйст-

ве, преимущественно в частновладельческих хозяйствах среднего размера, насчитывавших от 3 до 30 рабов (судя, в частности, по кадастрам цзюйяньского архива и проектам указов рубежа н.э. об ограничении частного землевладения и рабовладения), есть отдельные свидетельства, позволяющие ставить вопрос о латифундального типа имениях. Развитие рабовладения в первую половину империи Хань шло по восходящей линии и было непосредственно связано с подъемом в это время частно-собственнических и, что особенно существенно, торгово-денежных отношений, свидетельствующих об общем росте товарности хозяйства. Показательны в этом плане сложные и нестабильные взаимоотношения "частного сектора" и имперской власти, стремящейся к возможно большей политической централизации страны и концентрации в руках государства всех источников доходов, контроля над всеми природными ресурсами и отраслями хозяйственной деятельности, — эта тенденция, проявившаяся в дискуссии о государственных монополиях 81 г. до н.э., с особенной ясностью обнаружила себя в реформах Ван Мана (9–24 гг.). При этом в диалектике общественных и динамике классовых отношений специфической оказывалась роль общины, как организации всего полноправного населения, с ее дихотомией отношений собственности. С одной стороны, она выступала как бы в рамках общинно-государственного сектора, будучи заинтересованной в неантагонистических отношениях с государством, которое заботилось о сохранении гражданской общины с ее отношениями собственности, видя в ее лице основных налогоплательщиков империи (к тому же обеспечивавших военные нужды и трудовые ресурсы страны), поддерживало полезные для общины традиции (например, обычай взаимопомощи), не посягало на органы общинно-городского самоуправления, стремясь в интересах фиска "поднять" (а по сути, низвести) их представителей (в частности, саньлао) до уровня низовой ячейки административного аппарата, т.е. использовать общину как неформальную опорную структуру государственных институций.

Вместе с тем, особый, присущий древнему обществу характер частной земельной собственности, неотъемлемой от общинной собственности на землю (проблема, впервые поставленная на материале источников древнего Ближнего Востока И.М.Дьяконовым, открывшим тем самым целое направление отечественной востоковедной школы историко-социологических исследований древних обществ), — создавал условия для сохранения и укрепления в

ханьской империи базовой роли общинно-частного экономического сектора, в определенном смысле противостоящего имперскому режиму и в принципе государству экономически неподвластного. При всем том, что рабовладение размывало ханьскую гражданскую общину, раздираемую классовыми антагонизмами (в том числе, между богатыми и бедными ее членами), в которой и реализовались на низовом уровне формационные закономерности, — отмеченные экономические и социально-политические факторы способствовали консолидации общинников-собственников в рамках гражданской территориальной общины и длительному сохранению общинных традиций. Есть данные, что во всяком случае в начале империи Хань органы городского самоуправления были весьма действенны, как в столичном, так и в сравнительно небольших городах. Со своей стороны, общинно-частный сектор оказывал обратное влияние на расстановку сил внутри страны, воздействуя на государственное устройство.

Динамика взаимоотношений имперской власти и частно-предпринимательского сектора (связанного с эксплуатацией рабского труда и высокоразвитым частным рабовладением), дает основания подвергнуть пересмотру взгляд на древнекитайскую империю как на застойную восточную деспотию, в которой единственной и всепоглощающей активной силой было государство во главе с самодержавным единодержавным деспотом. Представляется, что под деспотизмом следует понимать не столько жестокий режим, сколько правление властей вопреки законам. Целесообразно поставить вопрос о правовой основе складывавшейся древнекитайской имперской структуры и в этой связи о наследии доимперской государственности, восходящей к недееспотическим формам правления чжоуской эпохи. Иногда связывают с концепцией извечной китайской деспотии, якобы монополизировавшей всю экономику страны, государственные монополии ханьской империи в области ремесла и добычающих промыслов. Не затрагивая здесь сложнейшую и остродискуссионную проблему монопольной государственной собственности на землю в Ханьском Китае (как часть общей проблемы применительно ко всему Востоку), — о чем будет сказано ниже, — по поводу промышленно-промысловых монополий империи Хань важно отметить, что они являются объективным показателем того, что ханьское государство оказывается не в состоянии "де факто" конкурировать ("бороться за выгоду", в чем уличают его конфуцианские идеологи) с частной производственной и торгово-рос-

товщической деятельностью и пытается добиться этого "де кре". Обращает на себя внимание и другая сторона вопроса. Периодический дисбаланс рабовладельческой экономики, вызываемый диалектическим противоречием между теоретически безграничным ростом товарности рабовладельческого хозяйства и ограниченными возможностями сбыта его продукции (зависящими от многих факторов, в том числе от перспектив внутренней и особенно внешней торговли), — был чреват "затовариванием" продукта частно-владельческих товарных хозяйств, особенно крупных. В этих условиях монополии могли представляться им "выходом" из положения — в надежде на альянс с государственным экономическим сектором и превращении частных предпринимателей в откупщиков государственных монополий. Имена крупнейших из них, как например, железопромышленника Сан Хуняна, хорошо известны по ханьским нарративным источникам. Но и в эти недолговечные, надо отметить, периоды активного проведения политики государственных монополий едва ли можно говорить о полном вытеснении из сферы экономики частного сектора даже в таких отраслях, как производство железа и выпарка соли, на которые и были целенаправлены монопольные акции империи.

В результате исследования характера и динамики социально-экономических, политических и идеологических факторов и процессов развития на всем протяжении древнекитайской империи Хань, автор приходит к важному выводу, что при наличии в ханьской империи различных способов эксплуатации (как свободных, так и юридически несвободных работников) и нескольких социально-экономических укладов, профилирующим в общественном производстве оставался рабовладельческий уклад. При этом магистральным путем развития ханьской экономики с самого начала было частное рабовладельческое хозяйство. При этом однако следует особо подчеркнуть огромную разницу в экономическом развитии стадийно наиболее передовых и наиболее отсталых регионов страны, что не могло не отразиться на специфике производственных и управленческих структур империи и характере протекавших в ней общерегиональных процессов, сначала — интеграционных, а затем — дезинтеграционных. Последнее, приблизившее империю к гибели, было связано, в частности, с региональным выравниванием экономических условий — это важное в общетеоретическом плане положение выдвинуто и разработано В.А.Якобсоном. О таком выравнивании экономических условий в позднеханьский пе-

риод могут свидетельствовать данные о зарождении государственности у некитайских народностей, обитавших за пределами "коренной" территории ханьской империи.

В принципе же, древнекитайская империя Хань, так же как Цинь и другие мировые империи древности, типологически с ней сходные, по самой своей базисной сути призвана была объединять территории типологически и стадийно неоднородные, экономически дополняющие друг друга, в чем коренилась одна из причин относительной устойчивости древних империй. Считавшееся еще сравнительно недавно общепринятым положение об эфемерности древних империй, которое ныне ставится под сомнение многими востоковедами, опровергается и на историческом примере древнекитайской империи Хань, просуществовавшей более четырех веков и дожившей до своего "естественного конца", подобно Римской и ряду древневосточных мировых империй эпохи поздней древности.

Актуальность проблемы. Актуальность работы определяется ее значением для постановки общетеоретических проблем типологического и стадийного развития восточных обществ, характеристики цивилизационной специфики Китая и всего Дальневосточного региона, что представляет важность для понимания судеб современного Востока. Разработка исследуемой темы непосредственно связана с выявлением общего и особенного в историческом развитии китайской цивилизации. Ее актуальность в современной китайской историографии определяется тем, что вся древняя тематика, в том числе и описываемый период, непосредственно выходит на уровень злободневности, выливаясь на газетные полосы современной политической прессы КНР. Вопросы, поднятые в диссертации, принципиально важны для решения проблемы формационной принадлежности древних цивилизаций Востока и Запада — одной из самых актуальных в нашей исторической науке. Многочисленные научные обсуждения, посвященные этой проблеме, особенно среди историков-востоковедов, носят остродискуссионный характер, что само по себе показывает актуальность заявленной в диссертации темы. Она посвящена исследованию общественного и государственного строя империи Хань — древней "мировой империи" Восточной Азии и Дальнего Востока, лежавшей на стыке двух всемирноисторических эпох — древности и средневековья. Поэтому материалы и выводы диссертации имеют значимость как для историков-древников, так и медиевистов, занимающихся изучением генезиса древних и средневековых обществ Востока, прежде все-

го — Китая.

Актуальность и новизна представленной работы определяется так же тем, что это — пока единственное в отечественном китаеведении комплексное фундаментальное исследование монографического характера, посвященное истории первой стабильной централизованной древней империи Китая, наложившей глубокий отпечаток на дальнейшее развитие китайской цивилизации, ее политическую, социально-экономическую и культурную историю. Актуальность и научная значимость диссертации состоит в системном изложении важнейших аспектов ханьской исторической действительности, которая рассматривается в свете основных закономерностей развития древнекитайского общества и относится автором к этапу поздней древности, повсеместно являвшейся эпохой возникновения первых мировых имперских структур.

Комплексный подход к исследуемой теме диктовал автору не ограничиваться анализом способа производства (т.е. производительных сил и производственных отношений), но уделить самое пристальное внимание так называемому "надстроечному" фактору, признавая за ним исключительно важную в формационном плане структурообразующую роль. В этом отношении диссертант придает исключительное значение религиозной трансформации ханьского конфуцианства, в котором на первое место выдвигаются задачи обожествления особы императора, как Сына Неба, идеологического оправдания социального неравенства и обоснования рабства.

Состояние изученности проблемы. Последние десятилетия отмечены новыми явлениями в изучении истории Китая древнейшего и древнего периода, что относится и к эпохе древнекитайских империй. Крупные археологические открытия, которые, начиная с 70-х годов пошли сплошным потоком, заставляют синологов — и подчас даже кардинально — пересматривать устоявшиеся представления о древнем Китае. Показательно, что в кембриджской истории Китая, задуманной более десятилетия назад и выходящей отдельными томами, издателям по этой причине вообще пришлось отказаться от освещения доисторической эпохи Китая и всего Иньско-Чжоуского периода, а начать I-й том, вышедший в 1986 г., с эпохи древних империй Цинь и Хань. На сегодняшний день этот том, написанный известными старейшими синологами Д. Бодде, Г. Биленштайном, М. Леви, А. Ф. Хулсе и др. является последним словом западной синологии в изучении Цинь-Ханьского периода

истории Китая.

В отечественной историографии по теме диссертации вышло два фундаментальных труда: "Империя Цинь — первое централизованное государство Китая" Л.С. Переломова (1962) и "Тибель древней империи" В.В. Малявина (1983); первый посвящен изучению начала исследуемой эпохи, второй — ее последнему этапу. Непосредственное отношение к настоящей работе имеют высококвалифицированные, широкие по проблематике коллективные работы "Древние китайцы в эпоху централизованных империй" (1983) и "Китайский этнос на пороге средних веков" (1979), написанные М.В. Крюковым, Л.С. Переломовым, М.В. Софроновым и В.В. Малявиным. Примыкают к диссертационной теме монографические исследования историографического характера: "Сима Цянь — историк" Ю.Л. Кроля (1970), "Бань Гу — историк древнего Китая" Е.П. Синицына (1975), "Источниковедение древней истории Китая" Г.Я. Смолина (1987). Для исследования частнособственнической эксплуатации в Позднеханьском Китае важна монография А.В. Тюрина "Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII вв" (1980). Углубленный анализ социально-экономических отношений Раннеханьской эпохи содержится в статьях Л.И. Думана и В.И. Кудрина. Внешнеполитическим связям ханьского и раннесредневекового Китая посвящены статьи и недавно защищенная докторская диссертация Е.И. Лубо-Лесниченко. Представляют интерес для темы диссертации труды Р.Ф. Итса, Д.В. Деопика, исследующие периферийные регионы ханьской империи. Исследованию производительных сил в Ханьскую эпоху и формированию древнеимперских структур на территории Китая посвящены работы А.В. Александрова, отличающиеся оригинальной разработкой темы в ракурсе урбанистического контекста странотворения на Дальнем Востоке.

Отдельные аспекты культуры и идеологии, важные для изучения Ханьского Китая, рассматриваются в работах А.А. Петрова, Э.М. Яншиной, Ян Хишуна, Л.Е. Померанцевой, В.Г. Бурова, Ф.С. Быкова, И.С. Лисевича, А.С. Мартынова, В.М. Штейна.

В теоретическом и общеисторическом плане ханьской эпохе уделяли внимание многие наши китаеведы, среди них корифеи отечественного востоковедения Н.И. Конрад, Л.Д. Позднеева, Л.В. Симоновская, С.Л. Тихвинский и ученые следующего поколения Л.С. Васильев, А.А. Бокшанин, В.П. Илопечкин, Е.А. Кычанов, З.Г. Лапина, В.Н. Никифоров, Г.Я. Смолин и др.

Важной стороной отечественного китаеведения традиционно является публикация переводов источников. Курпным вкладом в изучение Ханьского Китая остаются переводы Н.Я. Бичурина (о. Иа-кинфа). Исключительную ценность представляет подвижнический труд Р.В. Вяткина, почти два десятилетия занимающегося переводом "Исторических записок" Сыма Цяня; вышло 5 томов, издание продолжается. Для внешнеполитической истории Хань существенны переводы из древнекитайских источников В.Таскина. Только что вышла "Древнекитайская философия. Эпоха Хань", где изданы переводы ханьских философских трактатов, выполненные крупными китаеведами: А.С. Мартыновым, Л.Е. Померанцевой, Е.П. Силиным, Ю.Л. Кролем и др. Э.М. Яншиной издан перевод интересного в историко-культурном плане ханьского памятника "Шаньхайцзин" (1977); Э.И. Березкиной — ханьский учебник математики "Цзючжан суаньшу" ("Математика в девяти книгах").

В целом можно говорить о синологической отечественной школе по изучению эпохи древности, уходящей корнями в наше классическое китаеведение, — со сложившимися принципами и научной методологией, в русле которой осуществлено диссертационное исследование.

В современной китайской историографии специальные исследования по истории Цинь-Ханьской эпохи появились с 30-х годов. Экономические, политические, социальные, культурно-идеологические аспекты этого периода разрабатывали в 30-х — 40-х годах Ван Итун, Лао Гань, Лян Цичао, Ма Фэйбай, Тао Сипэн, Чань Инькэ и др.; после образования КНР в разные годы вышли исследования Ван Чжуншу, Ван Чжунло, Ван Яо, Ван Сычжи, Вань Шэнь-наня, Ли Сюэцин, Ли Цзянь-нуна, Сы Те, Тань Ланя, Тан Чанчжу, Лю Симяня, Хоу Вайлу, Хэ Лофу, Хуан Ле, Хэ Цанцюня, Чжан Чжэ-плана, Чжоу Гучэна, Шан Юэ, Цзянь Боцзяня, Цянь Му, Фан Вэнь-лани и др. Особо следует отметить труды Го Можо о рабстве и Чань Чжи по экономике Хань. В целом в Китае лучше исследован период Раннеханьский, значительно хуже — Позднеханьский. В оценке общественного строя империи Хань среди историков КНР нет единодушия, хотя многие относят ее целиком к эпохе феодализма.

Нужно ли говорить, что во времена критики Линь Бяо и Конфуция многие выходившие в КНР историографические работы носили декларативно-пропагандистский характер: среди них — краткие истории династий Цинь и Хань. Смена политического курса

китайского руководства после 1976 г. благоприятно сказалась на китайской историографии, что отразилось на исследовании историками КНР Ханьской древности. Для китайской историографии 70-х — 80-х годов характерно обращение к зарубежным историческим трудам, в том числе к работам наших античников.

Среди публикаций последних лет по Ханьскому Китаю представляет важность монография Ван Чжуншу "Ханьская цивилизация", переведенная на английский язык. Ван Чжуншу с 50-х годов занимается ханьской материальной культурой, и данная работа является обобщенным исследованием важнейших аспектов материальной жизни всей эпохи Хань, в т.ч. градостроительства, сельского хозяйства, ремесленного производства; по ходу изложения материала автор дает анализ общественных отношений в конкретной привязке к археологическим данным, отмечая, в частности, роль и характер рабского труда.

Китайские исторические исследования по Ханьской эпохе с их огромной источниковедческой и филологической базой, тщательностью и конкретностью в обработке богатейшего фактического материала, глубоким интересом к социально-экономической тематике представляли исключительную важность для диссертационной работы и легли в основу многих конкретных разработок.

Трудно переоценить всю важность для изучения истории Хань трудов китайских ученых, посвященных последним археологическим раскопкам в Китае и, в частности, публикациям и исследованиям недавно найденных ханьских документов, в том числе хозяйственной отчетности и древних оригинальных письменных источников. К сожалению, обработка огромного обилия археологических материалов и введение их в научный оборот далеко не поспевают за темпами археологических поступлений. Это нельзя "вменить в вину" китайским археологам и историкам. Охват раскопок, все время продолжающихся быстрыми темпами, настолько сейчас велик, что просто невозможна его полная публикация в ближайшее время, несмотря на весь научный энтузиазм китайской археологической службы и высокий профессионализм археологов КНР.

В западной историографии Ханьским Китаем с начала 50-х годов активно занимаются такие крупные историки, как Д.Бодде, Г.Биленстайн, Г.Дабс, Э.Балаш, Р.де Креспиньи, М.Лоеве, Г.Леви, Р.Мишо, Б.Уотсон, В.Эберхард, П.Эбри и другие известные синологи.

Особо следует отметить блистательное исследование М. Вильбура по рабству во времена ранней династии Хань (1943), которое, можно сказать, составило эпоху в изучении общественного строя Ханьского Китая, но, к сожалению, больше никто в западном Китаеведении столь же обстоятельно не занимался исследованием социальных отношений в империи Хань. Исследованию ханьской истории в западной историографии весьма способствовали переводы основных ханьских письменных источников исторического характера. Пяти томный труд Э. Шаванна — перевод "Исторических записок" Сыма Цяня (1890—1905 гг., последний VI том посмертно вышел в 1969 г.), заложил основу дальнейшей работы в этом направлении. Стали появляться переводы непереведенных Шаванном глав "Исторических записок" (в 2-х томном труде Б. Уотсона (1961), например). Г. Дабсом был осуществлен научный перевод большей части "Ханьской истории" Бань Гу (вышел в 3-х томах в 1938—1955 гг.). Важная работа была проделана М. Лоеве по публикации ханьских документов из Цзюйяна (в 2-х томах, 1967 г.).

Можно назвать немало глубоких исследований по разным аспектам и отдельным периодам ханьской истории, выполненных западными синологами за истекшие полвека, причем некоторыми маститыми учеными опубликовано по несколько монографий. Однако, до последнего времени в западной историографии не было ни одной специальной монографии, рассматривающей в историческом плане империю Хань в целом — от возникновения до ее падения. В 1982 г. вышла книга М. Пираццоли-Черстенвенса "Ханьская цивилизация", роскошно изданная и богато иллюстрированная. По характеру ее следует отнести к научно-популярным работам, в связи с чем она даже не упомянута в обширной библиографии к I тому Кембриджской истории Китая, где, таким образом не названо ни одного обобщающего исторического исследования по Ханьскому Китаю в целом.

Исследованием истории ханьского Китая традиционно занимаются японские историки. Японская историография по Ханям уходит корнями еще в период Эдо (1600—1867), а копии всех трех основных ханьских исторических сочинений: "Исторических записок" Сыма Цяня и обеих ханьских историй получили распространение в Японии чуть ли не тысячелетием ранее. Так что японская историография испытывает к эпохе Хань особый интерес. Современные японские историки внесли немалый вклад в изучение этой эпохи

серьезными исследованиями, главным образом, по частным вопросам, среди них работа М. Есида о ханьском городе (1974), К. Уцунomia о социально-экономических отношениях (1956), С. Камада — о политическом строе (1962), О. Оба — о ханьской административной системе, М. Хаяси — о ханьской материальной культуре.

Как можно видеть, мировой синологической наукой за последние десятилетия были достигнуты значительные успехи в изучении Ханьского Китая. Это объективно создавало возможности для комплексного историко-социологического исследования всей эпохи ханьской цивилизации в целом. Однако на пути такого подхода вставали глубокие и серьезные, во многом принципиальные, трудности. Они выразились, в частности, в резком расхождении мнений специалистов по самым кардинальным вопросам ханьской истории. Эти расхождения были связаны не только с различием концептуальных, общетеоретических позиций ученых (в том числе — что не всегда принимается во внимание — принадлежностью к разным направлениям западной историографии), но не в меньшей мере — с особой сложностью и качественно разной методикой анализа традиционных ханьских источников. Самая же большая трудность заключается в самом характере традиционных древнекитайских источников, которые при всем их завидном обилии и разнообразии по самой своей сути сплошь и рядом не могут дать прямого ответа, даже при самом скрупулезном и отвечающем современному научному уровню исследовании, на многие, исключительно важные с точки зрения современной исторической науки вопросы, в частности, связанные с характером социально-экономического и общественно-политического строя. Как отмечает известный археолог и историк Чжан Гуанчжи, в настоящее время становится все яснее, что изучение ханьской эпохи зависит от успехов археологии, с одной стороны потому, что традиционные нарративные ханьские литературные источники "абсолютно недостаточны", а с другой стороны, — раскопки последних лет дали изобилие и исключительное разнообразие ханьских памятников, включающих в себя и материалы документального характера. Эту особенность современного состояния ханьских источников диссертант попытался учесть, привлекая к исследованию, наряду с письменными ханьскими источниками, документальные данные и другие материалы, добытые в результате последних археологических раскопок.

Цели и задачи исследования. Цель исследования диссертант видел в том, чтобы на основании изучения широкого круга ис-

точников, относящихся к различным сторонам общественной жизни выявить основные вехи социально-экономической, общественно-политической и культурной истории древней мировой державы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии – империи Хань, начиная от времени ее возникновения и кончая ее крушением (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), показать формационно-переходный характер общественного строя ханьской империи, завершающей собой длительнейший процесс развития древнего общества на территории Китая и вместе с тем несущей в себе зародыши новых феодальных отношений. В этой связи перед соискателем стояли следующие задачи:

- выявить и критически оценить различные виды источников по истории древнекитайского общества в Ханьскую эпоху;
- определить характер и динамику развития экономических и социальных структур ханьского общества на всем протяжении истории империи Хань;
- проанализировать причины возникновения и процесс становления на территории Дальневосточной и Юговосточной Азии имперской системы, проследить глубинные процессы, лежащие в основе трансформации ханьского политического строя и его крушения;
- исследовать характер материального производства Ханьского Китая, выявить общее направление и уровень развития производительных сил с учетом неравномерности и разнотадильности общественного процесса в разных регионах империи;
- выявить особенности идеологических воззрений и специфику процесса духовного формирования жизни ханьского общества;
- раскрыть историческую роль и специфику массовых движений и их идеологии в империи Хань в условиях формирования в ее недрах раннефеодальных отношений;
- определить место Ханьской империи в историческом процессе Китая, как последнего этапа древнекитайского общества, заложившего основу дальнейшего развития китайской цивилизации.

Методологической основой диссертационной работы являются теоретические положения о единстве и поступательном движении всемирно-исторического процесса. В своих построениях автор руководствовался философским принципом советской исторической науки, придавая первостепенное значение исследованию экономических и социальных структур и вместе с тем подчеркивая огромную роль духовной культуры и ее органичную связь с развитием общества, рассматривая ее в качестве активно действующего фактора цивилизационного процесса.

Признавая закономерность исторического процесса, диссертант придавал исключительно важное значение конкретно-исторической специфике древнекитайского общества. При этом автор придерживался методологии исследования школы И.М. Дьяконова, внесшей вклад в изучение типологии древневосточных обществ, выявление закономерностей и особенностей развития общественного строя стран древнего Востока.

В ходе проводимого исследования автор исходил из принципа строго исторического подхода и применения метода сравнительно-типологического анализа, выработанного нашей востоковедной наукой.

Работа выполнялась в русле определенного направления отечественного китаеведения и является опытом создания, в соответствии с нашими современными знаниями, комплексного системного исследования по принципиально важной эпохе исторического развития китайской цивилизации – древнекитайской империи Хань.

Источники. Диссертационная работа основана на комплексном изучении широкого круга исторических, археологических, эпиграфических и литературных источников.

Важнейшей категорией письменных источников по истории Китая в ханьский период являются нарративные памятники, представляющие традицию официального историописания.

Ценнейшим историческим сочинением, подвергшимся доскональному изучению при написании диссертации, является произведение Сыма Цяня (145–86 гг. до н.э.) – "Исторические записки" ("Шицзи"), начатое его отцом Сыма Танем (ум. в 110 г. до н.э.). "Шицзи" – первая сводная всеобщая история Китая, доведена до I в. до н.э. Исключительная значимость "Исторических записок" для исследователя ранне-ханьской империи состоит в том, что их авторы были современниками описываемых событий этой эпохи или жили вскоре после них.

Сыма Цянь, помимо описания событий по царствованиям, в специальной части своего труда – "Трактатах" ("Шу") освещает различные стороны жизни общества, уделяя особое внимание материальным факторам, в частности, сельскому хозяйству, торговле, налогообложению, государственным экономическим акциям и т.д. Самый большой раздел "Шицзи" – "Лечжуань" посвящен жизнеописанию различных лиц, где, наряду с государственными деятелями и высокопоставленными персонажами, приводятся биографии людей из народа, среди которых повстанческие вожди, частные пред-

приниматели и торговцы, гадатели и комедианты. В "Лечжуань" с особой силой проявился выдающийся литературный талант Сыма Цяня. Здесь его эмоционально окрашенные повествования доходят порой до подлинного драматизма (например, в описании битвы Лю Бана и Сян Юя или смерти Сян Юя). В "Лечжуань" включены специальные разделы, посвященные сопредельным странам, в том числе сюнну, древним вьетам, корейцам и другим известным древним китайцам "варварским" народам. Особая ценность этих разделов (которые по примеру "Шицзи" затем постоянно включались в официальные истории), состоит в уникальности сведений древнекитайских источников об этих народах, поскольку древние периоды их истории нигде более не получили отражения.

Сыма Цянь не был сторонним наблюдателем событий современности. Его историческому гению был присущ сугубо критический подход, что отразилось на подборе материала и его интерпретации. Известно негативное отношение историка к ряду мероприятий правившего при нем императора Уди (140–87 гг. до н.э.), за что Сыма Цянь лично жестоко поплатился и что не могло не сказаться на конкретном изложении им событий его времени.

Исключительный интерес для разработки исследуемой темы представляли относящиеся к данному периоду так называемые династийные истории и близкие к ним по жанру и социальной функции исторические сочинения. Из их числа важнейшим источником по периоду конца III в. до н.э. – нач. I в. н.э. явилась История /Младшей при Ранней династии/ Хань – "Ханьшу" (или "Цяньханьшу") – первая из 25 стандартных династийных историй Китая. Основным автором "Ханьшу" считается придворный историограф Бань Гу (32–92 гг.). Начата она была его отцом Бань Бяо (3–54 гг.), а завершена, после казни Бань Гу, его сестрой Бань Чжао (34–116 гг.) – первой и единственной во всем древнем мире женщиной-историком. Кроме того, в "Ханьшу" был включен трактат по астрологии Ма Сюя (ок. 141 г.) и сокращенный каталог книг императорской библиотеки Лю Синя (ум. в 23 г.). Общий объем "Ханьшу" в целом в полтора раза превышает "Шицзи". "Ханьшу" включает в себя "Императорские анналы" всех 12 правителей Старшей Хань, где в канве повествования о политических событиях и придворной жизни приводится и обработанная версия царских указов, тронных докладов и других официальных правительственных документов. В ней имеется раздел "Чжи" ("Обозрения"), по характеру аналогичный "Трактатам" "Исторических записок", а так-

же составленный по типу "Шицзи" большой раздел "Жизнеописаний" ("Лечжуань").

Охватывая обширный круг тем по внутри- и внешнеполитической истории династии, экономике страны, праву, общественной жизни, науке, идеологии, культурной истории и другим важным аспектам исторической действительности, "Ханьшу", в отличие от "Шицзи", всюду исходит из официальной версии в изложении материала. Если "Ханьшу" целиком выдержана в духе ортодоксального конфуцианства, то в "Шицзи" просматриваются симпатии к даосскому мировоззрению, особенно это касается частей Сыма Тяня. Во многом и субъективно Сыма Цянь и Бань Гу придерживались различных воззрений и конкретных оценок. Для исследователя все эти обстоятельства являются весьма важными. В тех случаях, когда оба источника повествуют об одних и тех же реалиях, появляется возможность с помощью перекрестных сравнений приводимых ими данных выявить существенно важные черты социальных и идейно-политических явлений.

По периоду позднечаньской империи основным источником для диссертации являлась династийная "История Младшей (или Поздней) Ханьской династии" – "Хоуханьшу". В "Хоуханьшу" вошли разделы "Императорских анналов" и "Жизнеописаний", принадлежащие кисти Фань Е (398–446 гг.) – историка южнокитайского царства Сун, а также раздел "Обозрений", написанный Сыма Бяо (240–306 гг.). По историческому жанру "Хоуханьшу" не отличается от предшествующей ей "Ханьшу", а принципиально – и от "Шицзи". Однако, она весьма отлична от них по времени ее составления. Если авторы "Шицзи" были непосредственными современниками и даже участниками излагаемых ими событий, а авторы "Ханьшу" жили вскоре после того времени, к которому относятся их историописания, то "Хоуханьшу" составлялась спустя столетия после описываемых событий, и что особенно важно, – в совершенно иную эпоху, когда древняя империя Хань прочно канула в вечность, и политические, социальные и экономические отношения в стране стали совсем другими, другой стала и общественная психология людей. Фань Е рассматривает и оценивает описываемые им события давно ушедших времен со своих мировоззренческих позиций, исходя из представлений человека раннего средневековья, живущего в "смутное время" политической раздробленности. Это обязывает историка учитывать все данные обстоятельства при критическом осмыслении сведений "Хоуханьшу". Надо сказать, что все три указанных сочи-

нения обладают некоторыми важными специфическими чертами, весьма осложняющими их использование в качестве исторического источника.

Стилевые и структурные особенности и заданность этических и политических установок обусловили разбросанность информации, относящейся к одному явлению, событию или персонажу, по всему тексту памятника, так что получить ее стоит очень кропотливого и трудоемкого научного поиска, исследовательской работы над многими разделами каждой из этих историй. Следует отметить, что сам тип организации материала в этих источниках, их назидательно-дидактическая направленность предопределили соответствующую подборку материала, в связи с чем особенно интересующие современного исследователя данные социально-экономического характера можно почерпнуть в них лишь в результате тщательного критического анализа всего комплекса содержащихся в них сведений. А главное — их составители чуть ли не исключительно ориентировались на освещение только политической истории, отдавая при этом предпочтение происходившему в столице перед провинциальными делами и совсем не затрагивая низший уровень администрации.

Вскоре после их составления "Шицзи" и "Ханьшу" стали трудны для понимания, в связи с чем возникла необходимость в их комментировании. Самым ранним из комментаторов был Мэн Кан (180–260 гг.) — по "Ханьшу"; затем Пэй Инь (465–472 гг.) — по "Шицзи". Эти комментарии собрал воедино Янь Шигу (581–645 гг.). Все они обязательно должны использоваться при изучении эпохи, однако задача исследователя не подпасть под их влияние, учитывая их характер, время составления и позицию комментаторов.

Из других династийных историй использована для исследования внутри — и внешнеполитической обстановки Ханьской империи накануне ее краха История трех царств "Саньгочжи" Чэнь Шоу (238–297 гг.), охватывающая период 220–265 годов, (с комментариями У в. Пэй Сунчжи), а также составленная в УП в Фан Сюаньлином История династии Цзинь "Цзиньшу", описывающая период 265–420 гг., полезная для исследования общественно-политических отношений в послеханьскую эпоху.

Оба эти произведения обладают теми же особенностями, что и отмеченные выше для предшествующих им династийных историй.

Среди примыкающих к этому историческому жанру работ — Записки о ранней династии Хань ("Ханьцзи") Сюнь Юэ (148–209),

составленные на основе "Ханьшу" Бань Гу, но содержащие и оригинальные материалы. Т.к. Сюнь Юэ писал вскоре же после излагаемых им ранне-ханьских событий и кроме того, сам жил в позднеханьское время, — его "Записки", отличающиеся критической оценкой освещаемого материала, важны для исследования обеих ханьских эпох.

Интересные данные по позднеханьскому периоду несет хроника Юань Хуна (328–376) — "Хоуханьцзи" (Записки о Поздней династии Хань). Выборочно были привлечены к исследованию собрания материалов по обеим ханьским династиям Сюй Тяньлиня (ум. в 1226 г. н.э.): "Сихань хуэйяо" и "Дунхань хуэйяо", а также своды "Цзыцзи тунцзянь" ("Всепроницающее зеркало, управлению помогающее") Сыма Гуана (1019–1086) и "Ваньсянь тункао" ("Свод письменных памятников и суждений к ним") Ма Дуанлиня (1250–1322).

Эпоха Хань известна как эпоха письменной фиксации многих древнекитайских памятников. Дошедшие от этого времени нарративные источники разнообразны по содержанию: среди них и исторические сочинения (о которых было сказано выше), и литературные произведения и философские трактаты, и полемические сочинения об искусстве управления, и трактаты по отдельным экономическим и естественнонаучным проблемам, своды по агротехнике, медицине, филологические труды, компендиумы религиозного толка. Эти источники дают важный, часто уникальный материал для изучения Ханьского Китая, дополняя и уточняя данные стандартных исторических сочинений.

В работе выборочно использовался целый ряд этих источников, но специально изучению подверглись три важнейших, с точки зрения диссертанта, из них. Это — памятник второй половины I в. до н.э. "Янь телунь" ("Спор о соли и железе") Хуань Куана, отражающий придворную дискуссию 81 г. до н.э. о государственных монополиях; "Луньхэн" ("Критические рассуждения") Ван Чуна (27 — ок. 100 гг.), подводящий итог общественной и научной мысли всей древней эпохи Китая; политико-религиозный трактат "Бохутун" ("Дискуссия в зале Белого Тигра"), составленный в 79 г. по приказу императора историографом Бань Гу, содержащий систематическое изложение конфуцианского учения.

Давая общую характеристику всем этим повествовательным памятникам, следует особо подчеркнуть, что их отличает всем им присущая особенность, чрезвычайно важная с точки зрения их

источниковедческого анализа. А именно: ни один из них не дошел до нас в рукописи, датируемой ханьской эпохой, (недавние мавандуйские сенсационные находки ханьских манускриптов этих источников не содержат) – следовательно их нельзя признать "аутентичными" в полном смысле этого слова. Наличие их списки восходят не ранее, чем к концу I тыс.н.э. Это означает, что на протяжении доброго десятка веков данные памятники многократно переписывались, изменялись, интерпретировались, сокращались, дописывались и даже фальсифицировались – ибо апеллирование к древности с позиций современности было излюбленным приемом китайских средневековых авторов.

Недостатки письменных нарративных памятников в той или иной мере могут компенсироваться другими источниками, прежде всего эпиграфическими. Эпиграфика всегда была одним из важных видов ханьских источников, но сейчас, в свете последних раскопок ее значение выходит на уровень первостепенной важности. С начала 70-х годов раскопки дали множество ценнейших эпиграфических материалов и ханьских, и циньских. Так, сенсацией явились находки в могиле циньского чиновника юридических документов, заставивших ученых по новому оценивать характер древнекитайского законодательства и правовой практики накануне цинь-ханьской империи. В ханьских административных документах, обнаруженных в Цзюйяни (Внутренняя Монголия) и Цзянлине (Хубэй), получили отражение разные аспекты организации и деятельности управленческого аппарата – от высшего имперского его звена до учреждений волостного уровня. Найдены официальные предписания столичных должностных лиц, деловые записки периферийных чиновников, подворные списки податного люда, отчетные фискальные сводки, описи частного имущества с данными о земельных владениях, жилых и хозяйственных строениях, движимости, в том числе, о таком виде собственности, как рабы. В числе подобного рода документов на деревянных и бамбуковых планках – официальные ведомости о выдаче казенной ссуды семенным зерном малоземельным собственникам; частные юридические документы, фиксировавшие сделки купли-продажи земли и движимого имущества, письма; данные, касающиеся правового статуса рабов, работорговли, цен на рабов, использования труда рабов. Эти документальные источники дают важные сведения для характеристики социально-экономических процессов в ханьском государстве и обществе, освещая в ряде случаев те реалии, которые или совсем не получили отраже-

ния в нарративных памятниках, или упоминаются ими лишь вскользь. Данные такого рода несут в себе и мемориальные стелы I-II вв. н.э. с пространными надгробными надписями, повествующими о предках умершего, его должностях, заслугах, добродетелях. Однако они требуют сугубо критического подхода из-за присущего эпитафиям панегирического стиля.

По своему значению исторического источника к этим материалам примыкают памятники изобразительного искусства, такие как живописные изображения на шелковых похоронных стягах, каменные рельефы и фрески погребальных сооружений, дающие наглядное представление о верованиях, хозяйственном быте, а в ряде случаев о конкретных исторических событиях. Так, фреска I в. до н.э. из погребения под Лояном изображает один из трагических эпизодов борьбы за власть Сян Юйя и Лю Бана. На этих памятниках нередко воспроизводятся производственные сюжеты, сцены из городской и чиновничьей жизни, военные сражения и т.п. – главным образом, из жизни имущих и правящих кругов.

Исключительно важными для исследования явились собственные вещественные источники. Культурная революция 1966–1972 гг. прервала планомерные археологические изыскания. Сейчас они развернулись в широком масштабе и дали огромное количество ханьских памятников материальной культуры. По неполному подсчету открыто около 10.000 захоронений времени Цинь-Хань, разбросанных по всему Китаю, многие с обильным инвентарем. Контингент захороненных охватывает все слои общества – от императоров и высшей знати до погребенных во рвах рабах из преступников. В ряде случаев удается идентифицировать покойников с известными по повествовательным памятникам историческими личностями, но в подавляющем большинстве вскрытые могилы принадлежат людям, о которых не дошло никаких письменных свидетельств, – они открывают перед исследователями тот уровень действительности, который, в силу специфики традиционных источников, недоступен был ученым ранее. Найдены также остатки городов, архитектурных, ирригационных сооружений, верфей, ремесленных мастерских, железоплавлен и огромное количество орудий труда и разных материальных свидетельств технологического плана, бесконечное множество бытовых предметов и интереснейшей погребальной пластики. Все это не просто расширяет наши представления об эпохе, но выявляет во многом принципиально новые черты материальной и духовной культуры и общественной жизни ханьского общества.

Одной из важных задач данного исследования явилась попытка провести сопоставительный анализ данных повествовательных источников с археологическими, особенно новонайденными, материалами. Этот анализ помог внести немало коррективов в показания нарративных письменных источников.

Научная новизна данной работы определяется прежде всего комплексным подходом к изучаемой теме. Диссертация является первым в отечественной и зарубежной синологии системным монографическим исследованием одного из важных для исторических судеб китайской цивилизации периодов истории Китая, без изучения которого невозможно понять закономерности развития древнего и средневекового Китая. Сложившиеся в империи Хань за время ее многовекового существования важные институциональные и идеологические реалии оказали глубокое влияние и на культуру сопредельных стран, воздействуя на формирование цивилизационной специфики Дальнего Востока, раскрытие которой существенно для понимания важных факторов всего дальнейшего развития народов и стран этого региона. Задачи, поставленные в диссертации, решаются с привлечением максимально широкого круга источников, которые в таком хронологическом и тематическом охвате вводятся в научный оборот впервые. Два важных для данного исследования памятника – "Бохутун" и "Луньхэн" вышли в авторском переводе в книге "Древнекитайская философия. Эпоха Хань" (1990). На разнообразном материале письменных и вещных источников и с учетом соответствующей научной литературы в работе выявлены и охарактеризованы основные тенденции развития важных сфер общественной жизни древнего Китая с конца III в. до н.э. до начала III в. н.э. – от возникновения империи Хань до ее крушения. Анализ важнейших особенностей социальных отношений и общественного сознания позволил определить основные противоречия и динамику развития ханьского общественно-политического строя.

В результате комплексного исследования характера производительных сил и производственных отношений, автор пришел к заключению, что образование ханьской империи было связано со сложным и противоречивым процессом развития рабовладения в древнем Китае, которое, как ведущий уклад, достигло своего рода апогея в раннеханьский период, при долговременном правлении императора Уди (140–87 гг. до н.э.), отмеченном огромным размахом внешних завоеваний. В работе показано, что процессы социально-политического развития империи в позднеханьский период определялись действи-

ем двух исторических тенденций, каждой из которых соответствовал определенный ряд явлений в экономике, политике, идеологии. Представляя стадийно разные линии общественной эволюции, эти тенденции были в то же время тесно переплетены между собой, являя сложный процесс разложения рабовладельческой системы и становления раннефеодального строя в Китае. В работе вскрываются общественно-политические, идеологические, этно-культурные и социо-психологические факторы, обусловившие уникальную специфику ханьской эпохи и заложившие основу цивилизационной преемственности древнего и средневекового Китая.

В работе обращается специальное внимание на неравномерность социально-экономического развития разных областей ханьской империи и специфический характер рабовладельческой экономики ее развитых районов, носившей очаговый корпускулярный характер. Подробно анализируются особенности института рабства в древнем Китае, раскрывается характер использования рабского труда, специфика источников рабства и положения рабов в империи Хань, удельный вес товарного рабства в экономике страны.

В диссертации на материале древнекитайских источников по-новому ставится и решается ряд общих и частных проблем социально-экономического, общественно-политического и культурно-идеологического плана, в том числе – проблема верховной собственности на землю ханьского государства; проблема его классового состава и специфического характера ханьской общины, при неотделенности в ней частной земельной собственности от общинной; проблема политического строя древних "мировых империй" и "восточной деспотии", решаемая применительно к древнекитайской империи Хань. Диссертационная работа может быть полезной для внесения большей ясности в непрекращающиеся научные споры по этим вопросам.

Научно-практическая значимость работы. Работа дает систематическое представление об основных тенденциях и конкретном ходе общественного развития Китая в один из важных, но недостаточно изученных у нас периодов его истории, что позволяет глубже понять основные закономерности становления и исторической эволюции китайской цивилизации. Выявление исторического значения эпохи Хань, как переходной от древности к средневековью имеет значение для определения сути исторического процесса в странах Востока, а в конечном счете, и общемирового хода исторического процесса.

Империя Хань по многим причинам вызывает в синологии осо-

ный интерес: и потому, что она открывает "имперскую эру" в истории Китая, и потому, что именно в это время окончательно определяется роль ханьцев как ведущей народности китайской цивилизации, и потому что в это время во многом складываются основы той историко-культурной преемственности, которая прослеживается на протяжении десятков веков — вплоть до Китая нового и новейшего времени.

Системное изложение работы позволяет использовать результаты исследования при создании работ по истории Китая, а также обобщающих трудов, в том числе теоретического характера, посвященных исторической эволюции восточных обществ, и изучении путей исторического развития древних мировых цивилизаций Востока и Запада.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при разработке общих и специальных лекционных курсов, а также при проведении семинарских занятий для студентов востоковедного профиля и исторических факультетов педагогических институтов, в просветительской работе музеев и учебных кружках в школах, а также в широкой научно-просветительской работе, например, Всесоюзного общества "Знание", лектором которого автор является. Основные положения диссертации, — опубликованные соискателем во "Всемирной истории", трех изданиях курсов лекций в трехтомной "Истории древнего мира" (последнее — в 1989 г.), коллективных монографиях "Древние цивилизации" и "Древние цивилизации Востока и Запада" (на английском и португальском языке), монографии "Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке" и других работах, — уже используются в трудах востоковедов, специалистов по всеобщей истории, у нас и за рубежом. Они взяты за основу также при написании соответствующих разделов в многотомной коллективной монографии "История Востока", издаваемой Институтом Востоковедения АН СССР, и других коллективных трудах по истории древнего Востока. Названные работы используются также для преподавания истории древнего Востока на исторических факультетах университетов и педагогических институтов.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании сектора истории Отдела древнего Востока (1988), на расширенном заседании Отдела древнего Востока Института востоковедения АН СССР (1989). Ее отдельные положения были доложены на заседании Ученого совета ИВ АН СССР в 1980 г., на Всесоюзных научных конференциях "Общество и государство в Китае" в 1982–1985 гг., на

Всесоюзной конференции "Теоретико-методологические проблемы анализа общественного развития" (1981), на II Всесоюзной конференции китаеведов (1982), на Всесоюзных научных конференциях: по проблемам социальной мобильности в добуржуазных странах Азии (1983), по проблемам государства в докапиталистических обществах Азии (1984), по проблемам общественных движений и их идеологии и по проблемам классов и сословий в докапиталистических обществах Азии (1985).

Материалы диссертации использованы при написании курса по истории стран Востока в эпоху древности (Китай, Корея, Япония) для исторического факультета Института дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Доклад по теме диссертации был прочитан на заседании Отдела Истории Китая в Тихоокеанском Институте АН СРВ в Ханое в 1983 г.

Основные положения и результаты исследований по теме диссертации опубликованы во "Всемирной истории" (1956), трехтомном курсе лекций "История древнего мира" (1982 — первое, 1983 — второе, 1989 — третье издание), монографиях "Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке" (1987), "Древние цивилизации Востока и Запада" (на английском и португальском языках, 1988), "Древние цивилизации" (1989) и целом ряде статей. Положительные рецензии и отклики были в разное время опубликованы в наших и зарубежных изданиях. Всего по теме диссертации опубликовано около 40 работ, общим объемом более 100 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и списка литературы (включая источники).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении сформулированы тема и цель данного исследования, обосновывается его актуальность и важность. Специальный раздел введения посвящен характеристике источников и литературы как отечественной, так и зарубежной по теме работы.

В главе I "Образование и консолидация древнекитайской империи Хань при Старшей династии Хань, Лю Бан и его преемники" исследуются социальные, экономические, политические и этно-культурные предпосылки создания на территории Китая единого государства и показывается, как шел сложный и противоречивый процесс основания имперского строя Китая.

Образование "молниеносной" циньской империи (221–206 гг. до н.э.) отражало процессы, протекавшие ранее в древнекитайс-

ком обществе, которые в целом соответствовали общим закономерностям исторического развития древнего Востока с характерной для поздних этапов его развития тенденцией к образованию крупных "мировых империй". Проведенные Первым Циньским императором Цинь Шихуаном с беспрецедентной прямолинейностью в масштабе всей страны и мерами жесточайшей законности грандиозные по тем временам экономические и политико-административные мероприятия привели к резкому ускорению подспудно текущих социально-экономических процессов, обусловленных развитием частно-собственнических, товарно-денежных и рабовладельческих отношений, и вызвали катастрофическое нарушение хозяйственного равновесия в стране, что явилось чуть ли не основной причиной падения династии Цинь. Однако, колоссальные сдвиги во всех сферах жизни, которые произошли в империи Цинь за какие-нибудь десять-пятнадцать лет, во многом оказались уже необратимы. Именно стараниями Цинь Шихуана была заложена политическая основа для возникновения ханьского имперского строя. Пристальное внимание уделено в данной главе периоду правления Лю Бана (206-194 гг. до н.э.). На большом фактическом материале показан классовопротиворечивый характер его политики, при этом выявляется антиисторичность имеющих место в историографии трактовок образа "первого ханьского императора" и его идеализации. На примере личной и социальной биографии Лю Бана показываются конкретные формы классового расслоения общины и анализируется проводимая Лю Баном в период его борьбы за власть политика поощрения института частного рабства. "Наложение" на общину политических суперструктур в виде централизованного государства не деформировало в сколько-нибудь заметной мере общинные структуры — ни в империи Цинь, ни в государстве Лю Бана, где продолжали существовать самоуправляющиеся города и функционировали органы общинного самоуправления, с которыми циньские и ханьские власти вынуждены были очень считаться. Не случайно именно на них опирался Лю Бан и тогда, когда возглавлял повстанческое движение, и тогда, когда приступил к созданию административно-управленческого аппарата в империи, но при этом он предпринял попытку подчинить общину государственному контролю и приобщить выборных представителей общинной верхушки к низшему звену имперской администрации. Преемники Лю Бана восприняли и продолжали его политику в отношении общины. Однако симптомы утраты общинами самоуправления и превращения их в чисто фискальные единицы появляются много позже. По мнению известного советского ученого Л.С.Переломова, специ-

ально занимавшегося проблемой ханьской общины, вплоть до конца Старшей династии Хань представители органов общинного самоуправления (саньлао, фулао, личжэн) не являлись низшим звеном имперской администрации, поскольку не получали от государства регулярного довольствия. Политика Лю Бана в отношении общины, пожаловавшего главам семей общинников и формальные знаки сословного гражданского полноправия, была продолжена его преемниками.

В главе II "Сложение ханьской имперской государственности" выявляются особенности социального и политического строя и этнического развития древнекитайской империи в раннеханьский период. Показывается, что в этот период межэтнические отношения играли значительную роль. Даже борьба, которую условно можно назвать "войной между Хань и Чу", имела окраску не только классовую, но и межэтническую. В это время постепенно определяется роль ханьцев, как ведущей народности империи древнего Китая. В главе рассматриваются институциональные, идеологические основы имперской организации, показывается, насколько глубокий отпечаток наложили на весь облик ханьского общества имперское государственное устройство и официальная идеология — ею, со времени правления Уди, становится реформированное Дун Чжуншу конфуцианство. Независимость имперской структуры от местной социокультурной среды и локальных традиций, известная автономность целей имперской внутренней и внешней политики создавали для империи Старшей династии Хань немалые возможности в мобилизации природных и человеческих ресурсов. Это имело значение для осуществления широкой экспансии, предпринятой Уди, которая объективно стимулировалась характером производственного базиса империи Старшей Хань.

Со времени правления Уди центральное место в официальной идеологии империи занимал образ государя как теократического лидера, облеченного высшим моральным и сакральным авторитетом мироустроителя вселенной. Сочетание магико-религиозных с чисто практическими представлениями о сути государственной власти, руководствовавшихся административной эффективностью, составляло существенную особенность политической культуры ханьской империи, в которой ритуальное действо сплеталось с техникой бюрократизма. Освящение идеи "царственности" и самого принципа управления получило отражение в ханьской политической теории, утверждающей четкую, почти сакральную грань между "управляющими" и "управляемыми".

Структура государственного аппарата ханьской империи вклю-

чала центральную администрацию и местное управление. Центральная администрация была представлена системой государственных ведомств, контролировавшим эти ведомства цензором и императорским секретариатом, составляя своего рода триединство, в котором взаимный контроль и дублирование функций сочетались с расчлененностью исполнительной власти, строжайшей индивидуальной ответственностью и жесткой регламентацией деятельности должностных лиц. Местное управление по сути полностью подчинялось центральному аппарату.

Известным советским востоковедом И.М.Дьяконовым была выдвинута теория о социальной стратификации древневосточных обществ, включающая в состав господствующего класса всех полноправных граждан-общинников (могущих быть, а могущих и не быть эксплуататорами и рабовладельцами), согласно которой исчезновение этого древнего гражданства знаменовало собой крушение первой классовой формации на древнем Востоке. Эта теория акцентирует внимание на очень существенной особенности социально-политического строя древневосточной империи с ее ориентированностью на свободную общину — что еще раз заставляет пересмотреть вопрос о характере древневосточной деспотии с ее "поголовным рабством". Показательно в этом отношении учреждение в ханьской империи времени Лю Ба-на своеобразного института сословных рангов (или категорий) — своего рода эталона гражданского полноправия, присваивавшихся всем свободным подданным империи и определявших их место в социальной иерархии, где почетное, хотя и низшее звено составляли свободные простоллюдины. О том, что основным классовым делением в ханьском обществе продолжало оставаться разделение на свободных и несвободных, может свидетельствовать, в частности, тот факт, что в сословия свободных могли быть включены только те, у кого в роду от пятого колена не было рабов. Вместе с тем характерным для древнекитайского общества вообще и ханьского в особенности было наличие в нем различных промежуточных социальных слоев.

Вопреки мнению, что в ханьском Китае сложился идеал "ученых служилых людей" и утвердилась конфуцианская экзаменационная система подбора кандидатов на государственную службу, ханьская практика пополнения административного аппарата имела мало общего с отлаженной системой конкурсных экзаменов средневековых империй Китая. Несмотря на то, что ханьскими имперскими идеологами провозглашался этический постулат: "жить только на жалованье" и

"не бороться с народом за выгоду", как поведенческая норма представителей государственного аппарата, — но на деле служебное поприще стало принягательным из-за возможностей личного обогащения. Со времени узаконения при Уди продажи должностей и рангов знатности, административная карьера стала легко доступной имущественной знати, представляющей интересы развитого рабовладения (официально разрешалась продажа рангов и должностей в обмен на рабов). Тем самым богатство и власть становились в глазах современников тождественными понятиями. Иерархия внутри бюрократии оказывалась связанной с иерархией экономической инфраструктуры империи Хань.

В главе III "Производительные силы и производственные отношения в империи Хань во II-I вв. до н.э." дан общий анализ динамики развития производительных сил и производственных отношений в древнем Китае эпохи поздней древности и показана специфика процесса становления развитых рабовладельческих отношений в империи Хань в последние века до н.э. Исследуется характер рабства, его источники, сфера применения рабского труда, положение рабов. Акцентируется рост частного рабовладения и сопровождавший его широкий размах ростовщичества.

В главе освещается роль географо-экологического и материально-технического факторов подъема производства и раннеханьскую эпоху. Выявляется неравномерность развития производительных сил и специфика регионального разделения труда в древнем Китае во второй половине I тыс. до н.э., определяется объективная необходимость объединения первого и второго подразделений общественно-го производства для обеспечения условий расширенного воспроизводства (без чего никакой прогресс производительных сил не был бы возможен), — каковое объединение и было насильственно осуществлено, сначала в рамках империи Цинь, принудительно организовавшей обмен между областями, производящими средства производства, и областями, производящими предметы потребления, — что обеспечивало новые источники прибавочного продукта.

В главе IV "Обострение классовых противоречий в древнекитайской империи на рубеже н.э. Переворот Ван Мана и его реформаторская деятельность. Подъем народных движений (18-25 гг. н.э.)" рассматривается социально-политическая ситуация в империи в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. В результате проделанного исследования автор приходит к выводу, что основным внутренним противоречием ханьского общества в указанное время становилось

противоречие между крупным и мелким землевладением, которое выступает как классовое противоречие — это важное положение, в теоретическом плане заявленное К.Марксом, учтено и разработано В.А. Якобсоном на материале ближневосточной древности; оно полностью применимо к империи Хань. Указанное противоречие накладывало отпечаток на социальную психологию, представления о государственной власти, морально-этические воззрения, даже политическую структуру общества. Социальная напряженность в Ханьской империи во второй половине I в. до н.э. — начале I в. н.э. была вызвана ростом крупного землевладения и рабовладения. Борьба против концентрации частной земельной собственности красной нитью проходит через всю внутреннюю историю империи. Она становится явственно ощутимой со времени Уди, но к концу I в. до н.э. приобретает исключительную остроту. Как показывают доклады сановников Ши Дая, Кун Гуана и Хэ У, эдикт Айди и другие источники, вопрос о земле был тесно связан с вопросом о рабах. Именно эти два кардинальных вопроса выступают как основные общественные проблемы и в реформах Ван Мана.

Нарастание кризиса социально-экономических отношений выразилось в сильнейшем обострении классовых противоречий, вылившихся в вооруженные движения, из которых автор специально выделяет рабские восстания конца I в.н.э. и мощное движение "Красных бровей". В главе отмечается коренное отличие восстаний в Ханьском Китае от социальных движений в античном мире. Если в Греции и Риме обезземеленному люду грозила нищенская жизнь за счет подачек со стороны государства или частных лиц, то в древнем Китае над свободным производителем постоянно тяготела опасность обращения в рабство. Это способствовало объединению выступлений обедневших свободных общинников и различных категорий непосредственных производителей рабского типа, что придавало движению особый размах.

В главе У "Реставрация Ханьской империи. Общественно-политический строй древнекитайской империи в период правления Младшей династии Хань. Внутренняя и внешняя политика империи во второй половине I — первой половине II в. н.э." предпринят анализ социально-экономического, политического и идеологического развития древнего Китая в течение первых двух столетий н.э., исследуется производственный базис и внутренняя эволюция позднеханьского общества. В первый век своего существования империя Младшей династии Хань по внешним признакам была процветающей "великой державой" которую можно поставить в один ряд с римской империей в данную

эпоху. Непревзойденные успехи во внешней политике, сказавшиеся в блестящих победах ханьских полководцев, в частности Бань Чао, обеспечили позднеханьской империи господство на великом шелковом пути и высоко подняли внешнеполитический престиж Ханьского Китая. Эти внешние факторы создают стимул для развития товарно-денежных отношений, большую роль начинают играть товарные рабовладельческие хозяйства.

Вместе с ростом денежной экономики в государственном аппарате усиливаются позиции "торговой аристократии", связанной с императорскими фаворитами. Серия дворцовых переворотов привела в 60-х годах II в. н.э. к засилью в административном аппарате евнухов императорского гарема и их ставленников, что подрывало сложившуюся систему выдвижения на службу и являлось попыткой лишить высшую служилую знать монополии на официальное образование. В конце позднеханьской империи определилась система служебных рекомендаций для комплектования управленческого аппарата. Хотя практиковались экзамены кандидатов на штатные должности, однако и в столичной, и в провинциальной администрации большинство чиновников назначалось по личному выбору ответственных лиц. Наметился процесс консолидации верхов провинциальной бюрократии. Постепенная узурпация местной элитой каналов отбора чиновников приводила к утверждению личностных связей в административном аппарате, установлению своеобразного эталона "служебной чести", требовавшей от должностных лиц личной преданности чиновным персонам, рекомендовавшим их на службу. Под оболочкой традиционных ханьских институтов стала зарождаться новая государственная структура, ведущим звеном которой становился, по сути, военный диктатор, требовавший безусловного подчинения. Этот процесс трансформации позднеханьской политической системы глубоко исследован в капитальном труде В.В.Малявина "Тибель древней империи". Ожесточенная политическая борьба при позднеханьском дворе, выражавшаяся в столкновениях между профессиональной бюрократией и приближенными императора из числа гаремных евнухов и родственников императрицы, отражала нарастание социально-политического кризиса позднеханьского общества. Чрезмерное расширение коррумпированного имперского аппарата превращало его в самодовлекшую силу, поглощавшую не только прибавочный, но и основной продукт.

После кратковременного подъема империя Младшей Хань с середины II в.н.э. находилась в состоянии все углублявшегося политического и экономического спада. Грабительская политика импе-

рии вступала в противоречие с потребностями нормального разделения труда между областями; торговые пути переносились далеко за пределы империи. Торговля в поздниханьской империи все более ориентировалась на престижное потребление со всеми вытекающими отсюда негативными экономическими и социальными последствиями. Кризис поздниханьской империи выражался в дезинтеграции бюрократии, обнищании основных производителей — масс общинного земледельческого населения, расстройстве финансов, натурализации хозяйства, падении военной мощи государства, неспособности империи Младшей Хань противостоять все усиливавшемуся натиску кочевников. Отражением этого кризиса было распространение оппозиционных идеологических течений и догматических религиозно-этических учений. В основе его лежали базисные процессы, вызванные разложением рабовладельческого уклада как ведущего в системе хозяйства древнекитайской империи, и связанные с предфеодальной скованностью производительных сил, "безвыходностью" товарной продукции, углубляющейся необеспеченностью расширенного воспроизводства.

В главе VI "Кризис рабовладельческого общества в Китае. Падение империи Хань", являющейся завершающей главой диссертации, рассматривается характер эволюции древнекитайского общества в I — нач. III в.н.э. и кризиса поздниханьской империи в последние десятилетия ее существования. Приводятся свидетельства источников, показывающие, что в поздниханьской империи рабовладельческие хозяйства продолжали существовать, хотя рабы применялись теперь больше в специфических видах производства — на плантациях камфорных и лаковых деревьев, в скотоводстве. Характерной для древности тип земледельческого хозяйства, который был основан на свободном труде в сочетании с рабовладельческим, становился все менее значимым. Усилились жалобы на непроизводительность рабского труда, что было связано, в частности, с усовершенствованием навыков труда и хозяйственных методов — показателями подъема производительных сил не менее важными, чем технические достижения. Судя по сельскохозяйственным трактатам Цуй Ши и Цзя Сысе, во II в.н.э. начинает развиваться новый вид полеводства, требовавший тщательного ухода буквально за каждым растением в поле. Стал распространяться особый тип землевладельческих хозяйств, в первую очередь самых крупных, известных под названием "сильных домов". В сложных хозяйствах этих крупнейших собственников земли получал все большее применение труд фактически зависимых (но лично еще свободных) земледельцев. Источники раскрывают двойственность их по-

ложения: с одной стороны, за ними сохранялось право приобретать землю, а с другой — они не могли самовольно покинуть обрабатываемый ими участок хозяйской земли. Процесс концентрации земли принял огромные, немыслимые до того размеры. Имения "сильных домов" простирались "от области до области". В их распоряжении были "тысячи толп рабов", табуны коней, огромные стада скота. Они владели крупными промыслами, большую часть рабочего персонала которых составляли закованные в кандалы рабы. Их агенты широко занимались ростовщичеством. В этих огромных хозяйствах все шире использовался труд "тех, кто своей земли не имеет, а берет у богатых и возделывает ее" (Хоуханьшу); в их числе источники называют "буцуй" (посаженную на землю личную стражу) и разного рода "гостей" (кэ): "дянькэ" (гостей-полевых работников), "бинькэ" (гостей-приживальщиков), "ишикэ" (гостей, получающих еду и одежду) и др. — постепенно они превращались в лично зависимых работников этих хозяйств; в этой категории оказывались и бывшие рабы ("тунли"). В поместьях земельных магнатов, — владевших тысячами "гостевых дворов", использовавших труд разного типа издольщиков и арендаторов, связанных с землевладельцем отношениями кабального должничества (выплачивающих до 2/3 урожая), — наметился переход к новому, предфеодальному типу эксплуатации. Экономически и юридически работники поместий магнатов не были их собственностью и как таковые не могли быть лишь объектом права. Однако в социально-политическом плане они выпадали из состава собственно гражданского населения, не учитывались фискальной переписью населения, и государство скорее могло обложить налогом рабов (как чью-то частную собственность, что оно и делало), чем эту категорию тружеников, не входившую в число подданных империи — налогоплательщиков государства. Правда, в самом конце описываемого периода "гостевые дворы" получают известный официальный статус и начинают учитываться властями на предмет обложения, но не как самостоятельные хозяйства, а как "приписанные к сильным домам".

В главе анализируется распространившаяся в это время форма государственного полеводческого хозяйства "тунтянь" — "поля военных поселений". Для ее изучения привлекаются документы хозяйственной отчетности на бамбуковых планках. В "тунтянь" сельскохозяйственные работы выполняли семьи военных поселенцев, получавшие казенный посевной материал, орудия и скот и сдававшие урожай (целиком или 60%) в казенные амбары, откуда потом получали натуральные "пайки" и одежду. Аграрное устройство "тунтянь", возможно свя-

занное с вторичным воссозданием общин, представляется прообразом государственной наделной системы ("цзюньтянь"), получившей распространение в период Троецарствия и раннесредневековой империи Цзинь.

Реальность двух экономических тенденций развития – рабовладения и зарождающихся предфеодалных форм хозяйства – косвенно проявлялась в придворных дискуссиях второй половины II в.н.э., в частности, вокруг проблемы денег.

В это время в докладах императору все настоятельнее звучат советы изъять монету из обращения. Глубинная причина нарастающего экономического кризиса заключалась в несоответствии степени развития товарно-денежных отношений уровню производительности труда.

Как известно со времен К.Маркса, целью экономики древнего общества было самопроизводство, товарно-денежное обращение затрагивало в ней лишь небольшую часть произведенного продукта, поэтому рост денежных накоплений – "капитал", как правило, не стимулировал увеличения производства, а разлагал его, оставаясь ростовщическим по своему характеру. И когда позднечаньские экономисты говорили о пагубности денег, как таковых, и называли их "червем", подтачивающим благосостояние государства, то в определенном смысле они были недалеки от истины.

Начиная со II в. периодические переписи населения регистрировали постоянное сокращение народонаселения империи. Наиболее дальновидные политические деятели рассматривали это как показатель общественного кризиса, близкого к агонии государства. Все большая и большая часть податного населения (а только их и касался официальный учет населения) отдавала себя под покровительство крупных земельных собственников, что не означало, естественно, их физической гибели, но знаменовало их "гибель" гражданскую. Создавшееся положение принципиально отличалось от той ситуации, которая вызвала тревогу чаньских политиков примерно за полтора столетия до этого. Тогда донесения властей сообщали, что, несмотря на сокращение поземельного налога до 1/30 доли урожая, бедняки оказываются в катастрофическом положении, т.к. отдают половину урожая в пользу богатей – своих кредиторов и вынуждены закладывать поля и продавать в рабство членов семьи, – таким образом, речь шла об общинниках, попавших в долговую кабалу, но остававшихся в числе граждан – налогоплательщиков государства, – о какой-либо личной зависимости обедневшего люда от частных лиц разговора не было,

как о массовом явлении, во всяком случае. И тогда, и сейчас государство пеклось о своих доходах и болезненно реагировало на сокращение податного населения, но за внешним сходством явлений скрывалось их принципиальное различие. Многие должники и в позднечаньской империи продавали себя и членов своей семьи в рабство, но общая тенденция развития стала иной. Суть шла о массовом процессе коммемдации разоряющихся общинников. Целые общины превращались в держателей земли "сильных домов" и постепенно становились одним из возможных источников формирования феодально-зависимого крестьянства. Практика отдачи под покровительство формально не носила характера торговой сделки, не означала порабощения должника, "фиксируя крепость" отношений личностных, патронажных, – но фактически приводила к отчуждению земли должников в пользу заимодавцев или других "покровителей", что в конечном счете вело к потере ими известной доли гражданской свободы (которая из-за связанных с ней налогов и повинностей становилась для них в это время непосильным бременем), причем патронаж привязывал отдававшегося под покровительство к земле, что, очевидно, было в интересах обеих заинтересованных сторон. Из подданных империи, ее свободных граждан, отдавшиеся под покровительство земледельцы постепенно превращались в людей лично и поземельно зависимых, выпавших из фиска. Для государства это означало потерю доходов, для земельных магнатов – их приобретение, причем явно в ущерб государству. Создавалась своеобразная ситуация: общинники – основное податное население империи могли распоряжаться своей землей, передавать ее на определенных условиях другим физическим или юридическим лицам, в частности, "сильным домам", которые, в свою очередь, также имели полное право распоряжаться своими поместьями, расширяя их до любых мыслимых размеров; государство же, чьими подданными они являлись, не имело реальной возможности этому помешать. Обе эти категории землевладельцев обладали всеми правами частной собственности на землю – владения, пользования и распоряжения ею, причем абсолютно независимо от государства. Таким образом, выявляется, что ни чаньскому императору лично, ни чаньскому государству, как таковому, вплоть до конца династии Хань, не принадлежала собственность на землю всей территории империи, на которую распространялся ее публично-правовой суверенитет. Постепенно главы "сильных семей" обзаводились собственным аппаратом управления, присваивали себе публично-правовые функции и почти "естественно" становились судебной властью для своих зависимых. Так постепенно в одном лице

соединялись публично-правовые функции суверена и частно-правовые функции собственника, которые в рабовладельческом обществе не совпадали.

По данным официальных переписей, с середины II в.н.э. площадь подлежащих налогообложению пахотных земель в империи неуклонно сокращалась, число податного населения катастрофически падало (от 49,5 млн. человек в середине II в. — до 7,5 млн. в середине III в.). Имена "сильных домов" становились экономически замкнутыми, самообеспечивающимися хозяйствами, земледельческое население в целом еще свободное, не имело средств для участия в товарообороте. Начался стремительный упадок товарно-денежных отношений. Количество городов по сравнению с рубежом н.э. сократилось более, чем вдвое, что являлось важным показателем перехода от древности к средневековью. Однако, решающим толчком для разрешения кризиса ханьского общества явилось грандиозное восстание Желтых повязок конца II в. — первое в Китае массовое движение с зачатками собственной идеологии, — сломавшее государственную машину древнекитайской империи. Это создавало объективные возможности для захвата государственной власти новообразующимся классом земельных магнатов, что он и не преминул осуществить.

Окончательному утверждению средневекового строя в Китае сопутствовало завоевание кочевых племен, охватившее весь Северный Китай. Однако не вторжение "варваров" было непосредственной причиной крушения мировой ханьской империи, а разложение древнего способа производства.

По мнению диссертанта ханьская эпоха для дальнейшего развития цивилизации Китая и даже шире — всей Дальневосточной Азии в принципе имела то же значение, что и греко-римская античность для европейской истории. В этом смысле правомерно говорить об этом времени, как о периоде дальневосточной античности, заложившей основы той культурной традиции, которая прослеживается в истории всего этого региона на протяжении десятков веков, вплоть до новейшего времени.

В Заключении — в качестве итога изучения общественного строя империи Хань, как завершающего этапа развития древнекитайской цивилизации, — дается экскурс "К проблеме рабства в древнем Китае, как социально-экономической формации".

По теме диссертации опубликованы работы:

I. КНИГИ

Монографии

1. Всемирная история, т. II, М., 1956. Разделы: "Древний Китай в период Чжаньго", "Китай в конце III — начале I вв. до н.э.", "Китай в середине I в. до н.э. — конце II в.н.э." — 8 п.л.

2. История древнего мира, т. I, М., 1982. Лекции: "Первые государства в Китае", "Китай в I половине I тысячелетия до н.э." — 3,5 п.л. (Изд. 2-е испр. и доп., 1983; изд. 3-е испр. и доп., 1989).

3. История древнего мира, т. II, М., 1982. Лекции: "Расцвет рабовладельческого общества в Китае", "Идеология и культура Китая периода расцвета рабовладения" — 4,5 п.л. (Изд. 2-е, испр. и доп., 1983 г.; изд. 3 испр. и доп., 1989).

4. История древнего мира, т. III, М., 1982. Лекция: "Китай в первой половине I тысячелетия н.э." — 2 п.л. (изд. 2-е испр. и доп., 1983; изд. 3-е испр. и доп. 1989).

5. Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке, М., 1987. Раздел: "Древний Китай" — 5,5 п.л.

6. Свободомыслие и атеизм в древности, средние века и в эпоху возрождения, М., "Мысль", 1986. Раздел: "Свободомыслие и атеизм в древнем Китае" — 2,25 п.л.

7. Ancient China: History and Culture. — Ancient Civilisations of East and West, Progress Publishers. Moscow, 1988 (в соавт. с Г.Бонгард-Левиным, М.Дандамаевым и др.) — 29 п.л.

8. Древние цивилизации, М., "Мысль" 1989 (в соавт. с С.С. Аверинцевым, Г.М.Бауэром и др.) — 38,7 п.л.

Переводы

9. Древнекитайская философия. Эпоха Хань (переводы, исследования, научные комментарии), М., 1990. Диссертанту принадлежат переводы памятников I в.н.э. "Луньхэн" и "Бохутун" — 10 п.л.

Брошюры

10. По музеям и местам археологических раскопок Китая. — Отчет о научной командировке в Китайскую Народную Республику, М., 1961. — 4 п.л.

II. СТАТЬИ

II. К вопросу о социально-экономических отношениях в древнем Китае в XIV—XII вв. до н.э. — ВДИ, 1950, № 2. — 2 п.л.

12. О способах порабощения в древнем Китае во времена империй Цинь и Хань. — Сборник статей по истории стран Дальнего Востока, МГУ, 1954. — 1,5 п.л.

13. Zur Frage der Sozial-ökonomischen Verhältnisse in China vom 14 bis 12 Jhdt v.u.Z.; Sowjetliteratur, Berlin, 1952, H.I — 2 п.л.

14. Реформы Ван Мана в Китае в начале I в.н.э. — Краткие сообщения Института народов Азии, № 61, М., 1963. — 2,25 п.л.

15. Китай в I в. до н.э. — II в.н.э. М., 1955. Дис.канд. ист.наук. — 1 п.л.

16. Древний Китай; первоисточники. — Хрестоматия по истории древнего Востока, М., 1963 (в соавт. с Л.Д.Позднеевой) — 0,5 п.л.

17. "Приказ Люю о наказаниях" (перевод с древнекитайского, комментарий). — Хрестоматия по истории древнего Востока, М., 1963. — 0,3 п.л.

18. "Продовольствие и товары" (перевод с древнекитайского, комментарий). — Хрестоматия по истории древнего Востока, М., 1963. — 0,1 п.л.

19. "Жизнеописание Гуан Уди" (перевод с древнекитайского, комментарий). — Хрестоматия по истории древнего Востока, М., 1963. — 0,2 п.л.

20. Первая публикация южнокитайского фольклора. — Вестник Академии Наук, М., 1960, № 7 (в соавт. с Э.М.Яншиной) — 1 п.л.

21. Рецензия на книгу П.И.Борисковского "Первобытное прошлое Вьетнама". — НАА, 1967, № 4, — 1,25 п.л.

22. О характере идеологии в эпоху падения древнего общества в Китае. — 13-я Научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов, М., 1988. — 0,3 п.л.

23. Специфика рабовладения в древнем Китае. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции "Проблемы социальной мобильности в добуржуазных странах Азии", М., 1983. — 0,3 п.л.

24. Советская историография по древнему Китаю. — Основные итоги и задачи советского китаеведения. Тезисы и доклады II Всесоюзной конференции китаеведов (1982), М., 1983. — 0,75 п.л.

25. К проблеме городов-государств и городских самоуправляющихся общин в древнем Китае. — Государство в докапиталистических обществах Азии. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции, М., 1984. — 0,3 п.л.

26. Ханьская агрессия в Центральной и Средней Азии. —

Послесловие к книге М.Э.Эгамбердиева "Тень желтого дракона", М., Воениздат, 1984 — I, 2 п.л.

27. О религиозном сектантстве в Восточноханьской империи. — 16-я Научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы докладов, М., 1985. — 0,25 п.л.

28. К вопросу об общественных движениях и их идеологии в древнем Китае. — Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции, М., 1985 — 0,5 п.л.

29. Рабство в древнем Китае. — Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности, М., 1986 — 0,8 п.л.

30. О формационной принадлежности общества древнего Китая. — Проблемы перехода и переходных общественных отношений, М., 1986. — 0,75 п.л.

31. Проблема становления и развития города в древнем Китае. — Город на традиционном Востоке. Тезисы докладов научной конференции, М., 1988 — 0,5 п.л.